

Из студии. Рудольф Хачатрян

Михаил Михайлович Рошин · журнальная статья (рубрика «Из студии») · 1984

ИЗ СТУДИИ

Рудольф Хачатрян

У заслуженного художника Армянской ССР Рудольфа Хачатряна счастливый дар — рисунок. Не только на его выставках, но и в мастерской не увидишь ни живописи, ни акварели, ни скульптуры. Он пробовал, но ему это было неинтересно, его стрела летела и летит в иную мишень. Рисунок! Рисунок, рисунок и ещё раз рисунок!

А задача заключается в том, что рисунок может, должен обрести материальность живописи, объём скульптуры. Бумага не излучает такого света, карандаш не даст такого тепла...

И тут происходит открытие. Художник находит свой материал. Он прямо-таки ныряет в него, как в «свою», наконец-то обретённую стихию, имеющую ту температуру, которая нужна его телу. Хачатрян начинает писать на левкасе (это вид грунтовки, мел и графит сепии, столь любимой художником, словно бы сплавляются, свариваются с мелом левкаса, образуя одно).

Открывается новое дыхание.

Мальчик из армянской семьи, дитя послевоенного Еревана, рисует на обёрточной бумаге свой бедный дом, улицу, печку с чайником и кастрюлей или свой башмак и заставляет меня, зрителя, задуматься: что такое в этой кастрюле или башмаке скрыто, что я должен на них смотреть? Я всматриваюсь, и понимаю постепенно, что эти предметы стоят с любовью, да, с любовью и изумлением перед значением каждой вещи в мире, её местом и значением.

...Какого мастерства достиг художник за несколько лет. Но я уже говорил, что бумага и карандаш себя исчерпали.

Хачатрян начинает писать на левкасе. Левкас источает свет, который не знает бумага и который так долго грезился художнику. Коричневая сепия обретает многоцветье палитры — от почти красного до почти чёрного. Рисунок смело одевается в наряд живописи, он свободно покидает свой привычный плоский мир и получает объём, перспективу, глубину, новую жизнь.

Легко сравнить одно с другим: превосходные миниатюры на бумаге и портреты, созданные уже на новом материале. Насколько вторые сочнее, свободнее, жизнеспособнее. Время, пространство, место — всё вмещается и сочетается в предельно реалистический образ. Всё сжато до предела, фон

убран, привычные камуфлирующие аксессуары, чтобы не отвлекать зрителя на чересчур конкретные догадки. Время, пространство, место — всё должно быть сосредоточено в изображении, в человеке или предмете, которые уж если взяты во внимание художником, то должны обрести полноту, предельную полноту правды, на которую только способно отображение.

Словно ликуя, играя, пируя на своём Дне Открытия, художник ставит себе задачи и справляется с ними: обнажённая натура, вид из окна, ещё одно окно, сквозь гранёный бриллиант которого ребёнок глядит в огромный мир, натюрморты с самыми сложными, формальными, высшей сложности композициями. Все вещи существуют только потому, что есть человек, а его связь со всем огромным предметным миром во всём её безбрежном многообразии вечно живая, по слову нашего Андрея Платонова.

Хачатрян пристален и упорен, пристрастен к рисунку одиннадцать лет. У него нет школы, его никто не учит, и, кажется, уже не может ничему научить. Он приходит в класс и рисует натурщика «сразу с головы». Он пока не знает даже азов анатомии. Но натурщик, вот он, есть, и видно, что автор обладает и чувством формы, и знанием, и то ему нравится быть тщательным, точным.

С первого раннего автопортрета глядит на нас юноша. Ритм портрета, объём, твёрдость пера — всё говорит о ранней зрелости, целеустремлённости. Он как будто уже знает всё, что содержится в нём самом, всматривается в себя, чтобы узнать: кто я?

Великих артистов не учат играть, великих писателей — писать. Обычно учатся мастерству. Открытию, понятно, научиться нельзя. А Хачатрян движется к открытию, нет, собственно, его дорога. Может быть, поэтому она столь пряма и даже одиолинейна. Он испробовал себя в одном, и в другом, даже в абстракции, но что будет кратко, это будут порывы молодости, но дело останется верным рисунку.

Начиная с двадцати лет он пишет десятки портретов, добиваясь всё большей выразительности, точности. Портрет становится главенствующим в творчестве, оттесняя пейзаж, к которому художник нет-нет, да и возвращается. Раз увиденный свет ещё долго будет тлеть, и когда-то однажды он не отдан, и море раскроет себя мастеру и начнётся новая стадия. Но автопортрет, как и портрет, остаётся главным.

Точно так же, как обнажённое тело, он берёт в руки лицо: любой предмет с большой силой обнажает или собирает в себе всю необыкновенную, с непостижимой силой особенность этого художника. Хачатрян уравнивает живую и неживую натуру. Кажется, что для него натура — ничто, что он использует первоначальный материал — нет, в одном натюрморте у глаза видна вся прихоть бытия, поверхность. Неудивительно: к зрителю обращена

мощная мощь художника. Когда-то однажды, в эпоху воплощения, любовь, всосанная им с молоком матери, расцветает.

К этому времени относится один из ранних портретов её — портрет мастерской, играет жена 1973 года («Надя»), и обстоятельства жизни 1977 года («Жёлтые цветы»). Стоит сравнить какого высокого, замечательного мастерства достигает в каждом конкретном случае молодой художник. И на этом пути художническом, нет того ничего, что не было бы вездесущее, единственное, уникальное в своих натюрмортах, скрипку и ступку, или мёртвую рыбу. Точно сопротивления нет.

Здесь нельзя почти органически прорвать через рябь жизни в разных металлах. Думается, что они могут почти органически захватить ваши надежды и обещать, чтобы как доказать, рисунок — этот лёгкий оттенок, рисунок! — я забегаю вперёд, ...на следующий рубеж, и тут начинается лучшее, и теперь — тут начинается Тревога. Из увиденный свет ещё долго будет тлеть, и когда-то однажды он не отдан, и море раскроет себя мастеру и начнётся новая стадия. Но автопортрет всем плодом своих становится...

Художник пишет людей разных профессий — индивидуальность не исчерпать. Он увлечён тайными людьми искусства, актёрами, композиторами, художниками.

Но, в сущности, я повторяюсь, он и тут стремится к анонимности. Может быть, самые значительные его произведения, которые так много рассказывают нам о человеческом характере, о людях с непростой судьбой (так бы я их назвал), — это люди никем не названы и не имеют имён — «Караван-башня», «Пилигрим», «Профиль». А сколько чистоты в «Еве», сколько любви, улыбки и добра в «Моко», какая пронзительно сложная, опасная душа заключена в фантастическом призваном взгляде на «Караван-башню».

Художник точно освободился, выдохнул, вырвавшись в настоящей работе, устремляясь к другому своему «я», художническому, полному добра, любви к людям и миру.

Любви? Одной любви? Не знаю... Свой последний автопортрет художник как бы соединил воедино с портретом жены. Первый портрет темно и строго, второй полон женственности и света. Какое счастье быть самим собой, сознать своё мастерство, постигать тайны жизни, что чего-то так и не узнаешь никогда. Но всё-таки идти туда, проникать, обогащать себя всё новым и неожиданным знанием — глядя на... старая истина, человек познаёт мир, гласит старая истина, в каждом из тех, кого он отображает, он всякий раз отдаёт себя целиком.

Михаил РОЩИН, драматург

На цветной вкладке:

Рудольф Хачатрян.

«В мастерскую утро».

«Автопортрет».

«Караван-башня».